

ВСЕГО ЧЕТЫРЕ ЧАСА...

ЗНАМЯ

О ПЯТЬ в тугой узел сплетены события, вновь драматичны и остры положения, стреми т е л е н сюжет, неожиданны его повороты.

Опять разговор о вещах важных, первостепенных, раздумья над проблемами, волнующими людей сегодня.

Опять знание жизни, правдивость, добротность в изображении героев и обстановки, почти документальная достоверность всего описанного.

Новая повесть В. Тендрякова будет жить и хорошо «работать», как «работают» почти все произведения этого писателя. И все-таки... Нет, конечно, не разочарование, не огорчение, не досаду испытываешь, закрывая последнюю страницу повести. Неудовлетворенность? Может быть, хотя и это не совсем точное слово...

В четыре часа спрессованы события, изложенные в повести. Новогодним веселым вечером встречаемся мы с героями, расстаемся, когда на часах «двенадцать без пяти». И за этот срок ломаются судьбы действующих лиц, определяется истинная ценность каждого, молодые взрослеют, старики пробуют по-новому взглянуть на мир. За этот срок главный герой повести Иван Капитонович Соковин успевает пережить крушение своей философии, теряет и вновь обретает сына. За этот срок у Вадима Соковина погибает друг детства и рождается дочь, новый маленький человек. Но это только в семейном кругу. А за стенами квартиры, в городе — свое сплетенье событий, вместились в эти четыре часа. В энергосистеме произошла авария — оборвался высоковольтный провод. Предприимчивый город внезапно оказался парализованным. Остановились заводы и фабрики, на темных

В. Тендряков. «Короткое замыкание». Повесть. Журнал «Знамя», № 3, 1962.

улицах — столпотворенье, замерли поезда на железной дороге. На диспетчерский пункт летят тревожные сообщения:

«— Делаем сложную операцию, больной лежит под наркозом, вскрыта грудная клетка...

— Закозление электропечи!..

— Загружены инкубаторы! Пропдают десять тысяч цыплят!»

Самолет, прилетевший из Москвы, не может приземлиться — на аэродроме тьма. Столкнулись трамваи. И наконец — на химкомбинате, оставленном без энергии, погибает человек...

Накал событий ошеломляющ, люди очутились как бы в гигантском водовороте; в драматичнейших ситуациях сталкиваются их характеры... И где-то тут возникает у читателя первое ощущение неладности, первое подозрение, что события при всей их напряженности все-таки движутся вхолостую.

Если определить это ощущение точнее, вероятно, получатся так: люди оказались бледнее событий. Погруженный во тьму город для нас освещен, как прожектором, зорким писательским глазом, а нутро человеческого характера не высвечены столь же ярко... Вот Иван Капитонович Соковин, человек с «закваской великой личности», крупный работник, специалист, прекрасно разбирающийся в машинах, но не желающий думать о людях. Уже в начале повести мы узнаем его кредо:

«...Если великий бог Время служит мне, то есть другой бог, которому верно служу я. Этот бог — энергетика! Он — люстра под потолком, он — станок, который гнет отрезки на штаны! Он многолик и вездесущ. И я — его слуга и хозяин!»

— Слуга и хозяин люстры? — переспрашивает сын Вадим.

— Люстр, настольных лампочек, уличных фонарей, высоковольтных линий, турбин, генераторов, котлов, трамваев, электричек, станков на за-

воде — разве этого мало? Не проси меня перечислять, иначе мы не успеем отпраздновать Новый год.

— Мало.

— Ах, я не упомянул — любовь к человеку! Да здравствуют высокие слова! А слова остаются словами. Моя любовь в машинах, она весома, вещь-вещенна.

— Машины эту весомую любовь еще могут выносить, они железные, а люди гнутся, — говорит сын.

И нам ясна расстановка сил после этого спора; мы уже встречали и в книгах, и на театре вот таких Соковинных, нам ничего больше не надо объяснять, мы на стороне сына, это естественно. Но что дальше, как объяснит нам Тендряков своего Соковина? Впереди — пятьдесят страниц, масса событий...

Однако, как ни странно, события натуральные, правдивые, полные жизни вдруг исподволь превращаются лишь в иллюстрацию мысли: надо любить людей больше, чем машины...

Мысль верная, нужная, важная, но коль скоро мы с ней согласились уже на первых страницах, то надобно ли громоздить столько доказательств? И неужели нет развития этой мысли, каких-то новых открытий? Постойте, — вот ведь есть в конце повести другой разговор, итоговый. О чем он?

Главный диспетчер говорит Соковину:

«—...ваше равнодушие в вас одном не остается, оно, как зараза, к другим переходит. Управляющий Соковин не интересуется, чем жив инженер Скопцев. Скопцеву плевать на механика турбины, ведь с него требуют — лишь бы не «гуляла лопаточка», а механик турбины Золотюк равнодушен к зольщику Иванову. Энерго-система...»

Как будто бы развитие мысли, высказанной вначале? Нет, это только внешне. Так же как и перелом во взглядах Соковина: посторонних людей не жалел, испугался лишь за своего сына и, пережив его мнимую смерть, стал жалеть других людей... Перелом внешний, ибо мы не узнали главного — почему.

Почему Иван Капитонович Соковин таков, как есть, во всей своей неприглядности? Да, продукт определенных исторических условий, порождение тяжелого периода нашей жизни, — но ведь этого мало для художнического объяснения. В самые черные времена жили рядом и подлецы и кристально честные люди, хапуги и бесребреники, властолюбцы и скромнейшие труженики. И задача художника — объяснить, почему они таковы.

Почему Ванька Соковин из деревни Лапшевка, бывший красноармеец, бывший рабочий электростанции, стал плевать на таких же, как он, Скопцевых, Золотюков? Горяевых и всех остальных? И неужели он всерьез исповедовал эту мораль тридцать, сорок лет без внутренней борьбы, без сомнений, без раскаяния, без сознания чудовищности ее?

Этих «почему» возникает немало; художник вправе заставлять читателя домысливать, дополнять, но все-таки основное должно быть сказано. А тут мы не знаем слишком многого...

Ивану Капитоновичу Соковину в повести противостоит сын Вадим, главный энергетик химического комбината. Он — другой полюс, и точно так же как события иллюстрировали неправоту отца, они иллюстрируют правоту сына. Сын утверждал, что надо на комбинате строить свою собственную ТЭЦ, отец возражал; невыгодно.

— Всякая экономическая выгода должна отступить, когда речь идет об охране здоровья и жизни человека! — говорил сын.

— Слушай ты, гнилой гуманист! — отвечал отец. — Не выставляй меня человеконенавистником. Я пользы людям принес больше, чем все поэты, идейники которых ты себя напичкал.

И правота сына, которую мы давно приняли, вновь подробно доказывается: без своей ТЭЦ комбинат пострадал, рабочие выносятся из цеха погибшего человека. «Какими выгодами окупишь

теперь смерть Саньки Горяева?» — думает Вадим.

А нам опять не ясно, почему сын и отец оказались на разных полюсах, почему Вадим в первую очередь думает о людях, какими «идейниками» он напичкан?

Есть одно объяснение во всей повести: в детстве Вадим жил хорошо, даже в войну «продолжал спать в мягкой постели; отправляя в школу, мать, как всегда, укутывала ему шарфом шею, совала в карманы заправки». А рядом шла другая, суровая, трудная жизнь; сверстники Вадима стояли у заводских станков под дождем и снегом. И ощутив эту разницу, пожалев сверстников, Вадим, как сказано в повести, познал «новое всеильное чувство — болезненную ответственность за других». Объяснение не совсем логичное и к тому же рисуемое Вадима в непривлекательном виде; не так ли восторгался чувствительные барыньки: «ах, как страдает бедный народ!» — прекрасно сознавая, что сами-то они вряд ли окажутся на месте «бедного народа»... Кстати, сам же Тендряков пишет далее: «То, что он (Санька. — Э. Ш.) когда-то стоял за станком на морозе, не считал несчастьем, не считал и подвигом. Все, что работал с ним бок о бок, то же пережили, то же свершили, и Санька так и не понял, что восхищает Вадима». Следовательно, и автор склонен полагать, что не это «сострадание» к ближним, испытанное в детстве, перевернуло взгляды Вадима. Но тогда что же? Можно догадываться, можно домысливать, только будут ли наши читательские мысли такими, каких желал бы автор? Вот и второй полюс в повести остался исследованным не до конца...

Так что же все-таки — неудовлетворенность? Можно было бы принять это слово, если бы... Если бы не было в повести других интересных мыслей, серьезных раздумий о жизни, о месте человека на земле, об ответственности перед бескомпромиссной молодостью. Если бы не было в повести рядом с недорисованными фигурами других персонажей, таких, например, как супружеская пара в стареньком «Москвиче», написанная с удивительным мастерством и проникновенностью, таких, как плановик Шацких, или тот, пусть восторженный персонаж, но живой, западающий в память — «привратник смерти» в морге...

А впрочем, может, и не стоит искать по заведенной традиции это оценочное слово? Тендряков — из числа тех писателей, что достаточно строго и требовательно оценивают сделанное. А читатели — они тоже найдут каждый свое слово.

Эд. ШИМ

НОВЫЕ ИМЕНА

ШАРК ЮЛУЗИ

Читатель успеет заметить: в каждом из последних номеров журнала «Шарк юлдузи»

он встречает новые имена. Это молодые поэты, выступающие с циклами стихов или первыми поэмами, или начинающие прозаики. С. Азимова, автора киноповести «Песня ясного рассвета», напечатанной в мартовском номере «Шарк юлдузи», нельзя назвать молодым писателем. Он — известный критик и литературовед. Но «Песня ясного рассвета» — его первое художественное произведение. Главная героиня повести — талантливая певица Гульчехра. Ее нелегкая, сложная, но светлая судьба, творческие поиски, любовь и страдания и составили сюжетную основу этой киноповести. Она лирична, в ней много интересных раздумий о путях развития нового, социалистического искусства.

Перу начинающего автора принадлежит большая рассказ «Люди», опубликованный в этом же номере. О разных людях, хороших, добрых, чутких и черствых, колдующих встречающихся на пути молодых героев, рассказывает здесь У. Назаров.

Незнакомо читателям журнала и имя Т. Махмудова, молодого критика-искусствоведа. Его статья «Горячее дыхание времени», посвященная новым полотнам узбекских художников, радует хорошим вкусом и требовательностью в оценках.

В портфеле рецензий немало рассказов, повестей и стихов молодых и начинающих писателей. С ними читатели познакомятся в очередных номерах журнала.

А. ЯКУБОВ. (Наш собор)

ТАШКЕНТ